

EDU.E-HISTORY.KZ
электронный научный журнал

EDU.E-HISTORY.KZ
electronic scientific journal

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Бас редактор

Әбжанов Ханкелді Махмұтұлы

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), Н. Аблажей (Ресей), Б. Аяған, М. Әбусейітова,
С. Әжіғали, Н. Әлімбай, Б. Байтанаев, Қ. Жұмағұлов, Ғ. Кенжебаев, Б. Көмеков,
Мансура-Хайдар (Үндістан), Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар, В. Плоских (Қырғызстан),
Ю. Петров (Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік Корея), Е. Сыдықов,
У. Фиерман (АҚШ), А. Чубарьян (Ресей)

Жауапты редактор:

З. Теленова

Редактор:

Р. Көбеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, «Edu.e-history.kz»
электрондық ғылыми журналының редакциясы

Телефон: +7(727)272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Электрондық мекен-жай: <https://edu.e-history.kz/>

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің
Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркелген.

Тіркеу нөмірі № 14602-ИА. Жылына 4 рет жарияланады (электронды нұсқада).
Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге
түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

Учредитель и издатель:

РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

Абжанов Ханкелди Махматович

Редакционная коллегия:

Р. Абдуллаев (Узбекистан), Н. Аблажей (Россия), Б. Аяган, М. Абусейтова, С. Ажигали,
Н. Алимбай, Б. Байтанаев, К. Жумагулов, Г. Кенжебаев, Б. Комеков,
Мансура-Хайдар (Индия), Р. Масов (Таджикистан), А. Муктар, В. Плоских (Кыргызстан),
Ю. Петров (Россия), О. Смагулов, Сон Ён Хун (Южная Корея), Е. Сыдыков,
У. Фиерман (США), А. Чубарьян (Россия)

Ответственный редактор:

З. Толенова

Редактор:

Р. Кубеев

Адрес редакции:

050010, Республика Казахстан,
г. Алматы, ул. Шевченко, 28.

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова,
«Edu.e-history.kz» Редакция электронного научного журнала

Телефон: +7(727)272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Сайт журнала: <https://edu.e-history.kz/>

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации
Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о регистрации:
№ 14602-ИА от 29.10.2014 г. Публикуется 4 раза в год (в электронном формате).
При повторной публикации статей, съемке на микрофильмах и других копиях необходимо
обязательно ссылаться на журнал.

Founder and publisher:

RSE on REM "Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology"
of the Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief:

Abzhanov Hankeldi Mahmutovich

Editorial board:

R. Abdullaev (Uzbekistan), N. Ablazhey (Russia), B. Ayagan, M. Abuseytova, S. Azhigali,
N. Alimbai, B. Baitanaev, K. Zhumagulov, G. Kenzhebaev, B. Komekov,
Mansura-Khaidar (India), R. Masov (Tajikistan), A. Muktar, V. Ploskikh (Kyrgyzstan),
Y. Petrov (Russia), O. Smagulov, Song Yong Hoon (South Korea), E. Sydykov,
W. Fierman (USA), A. Chubaryan (Russia)

Executive editor:

Z. Tolenova

Editor:

R. Kobeev

Editorial address:

050010, Republic of Kazakhstan,
Almaty, 28 Shevchenko Str.
Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
«Edu.e-history.kz» Editorial electronic scientific journal
Phone: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59
E-mail: edu.history@bk.ru
Journal website: <https://edu.e-history.kz/>

The scientific journal is registered at the Committee for Communications,
Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development
of the Republic of Kazakhstan, registration certificate:

No. 14602-IIA dated October 29, 2014. The journal is published 4 times a year (in electronic format).

When re-publishing articles, shooting on microfilm and other copies,
it is necessary to refer to the journal.

АРИДТЫ АЙМАҚТАРДАҒЫ КӨШПЕЛІ ЖӘНЕ ЖАРТЫЛАЙ КӨШПЕЛІ ҚАЗАҚТАРДЫҢ ШАРУАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ЕРЕКШЕЛІКТЕР (19-ҒАСЫРДЫҢ 80-ЖЖ. –20-ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)

Орынбаева Г.Ү.

Ш.Ш. Уәлиханов ат-ғы Тарих және этнология институты, Алматы қ., тарих ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Ұсынылып отырған жұмыс «Қазақстан тарихы» 20 томдығының 12-этнографиялық томының бір бөлімі ретінде кіруі тиіс болғандықтан апробациялау (мақұлдау) мақсатында жарияланып отыр.

Мақала 19-ғасырдың аяғы мен 20-ғасырдың басындағы Қазақстанның аридты аймақтарындағы қазақтардың мал шаруашылығы тақырыбына арналады. Берілген тұжырымдар қазақтардың көшпелі шаруашылығына қатысты деректер мен белгілі зерттеушілердің еңбектеріне негізделіп зерттелген.

Түйін сөздер: аридты аймақ, көшпелі мал шаруашылығы, «таза» көшпелілер, шаруашылықтың жылдық циклі, мерзімдік жайылым, көшпелі қазақтардың шаруашылық жұмыстары.

ОСОБЕННОСТИ КОЧЕВОГО И ПОЛУКОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХОВ АРИДНЫХ ЗОН (80-Е ГГ. XIX– НАЧАЛО XX В.)

Орынбаева Г.У.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, кандидат исторических наук

Аннотация. Представленная работа должна войти в качестве подраздела в 12-й этнографический том готовящейся к изданию 20-ти томной «Истории Казахстана» и публикуется с целью ее апробации. Статья посвящена теме скотоводческого хозяйства казахов аридных зон Казахстана в конце XIX – первой трети XX, представленная концепция разработана на основе источников и трудов ведущих исследователей кочевого хозяйства казахов.

Ключевые слова: аридная зона, кочевое скотоводческое хозяйство, «чистые» кочевники, годовой хозяйственный цикл, сезонные пастбища, хозяйственные работы казахов-кочевников.

FEATURES OF NOMADIC AND SEMI-NOMADIC ECONOMY OF THE KAZAKHS OF ARID ZONES (THE 80TH OF XIX – EARLY OF THE XX CENTURY)

Orynbayeva G.U.

Ch.Ch. Ualikhanov Institute of history and ethnology, Almaty, Candidate of historical sciences

Annotation. The present work is planned to be included as a sub-section of the 12-th ethnographic volume of the 20-volume 'History of Kazakhstan', and it is published with the purpose of testing. The paper is devoted to the issue of the Kazakh nomadic economy in the arid zones of Kazakhstan (late XIX – early XX centuries). The presented concept is developed on the basis of sources and works of the leading researchers of the Kazakh nomadic economy.

Key words: arid zone, nomadic pastoral economy, "pure" nomads, annual economic cycle, seasonal pastures, housekeeping works of the Kazakh nomads.

С 30-х годов XIX века в развитии хозяйственно-культурной деятельности казахов под политическим и культурным влиянием России прослеживается эволюция – происходит перелом в хозяйственном и жизненном укладе, который выразился в распространении сенокосения, земледелия и сокращении кочевых путей. Это отмечали в своих трудах такие известные исследователи кочевого общества казахов, как, например, С.Е. Толыбеков, Х. Аргынбаев [1, с. 612–614; 2, с. 31, 35]. Период же середины XIX в. в обширной степной зоне Казахстана, по определению этнолога С.Е. Ажигали, явился в целом «эпохой культурно-исторического перелома» и начала перехода к полуседлости [3, с. 172–174; 4]. С 80-х гг. XIX в., по мнению того же исследователя, в Казахской степи начался второй этап кардинальных хозяйственно-культурных перемен в жизни казахов. Он имел региональные особенности и длился вплоть до начала 1930 годов, связанных с коллективизацией и насильственной седентаризацией.

Однако, в районах Казахстана с суровым засушливым климатом, без наземных водных источников, до конца 20-х гг. XX вв. сохранялось господство круглогодичного кочевого скотоводства. Такие территории не представляли большого интереса для колониальной администрации в силу невозможности их использования под земледелие. Вплоть до вынужденного окончательного оседания казахов – кочевников и полукочевников в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., скотоводы продолжали совершать перекочевки в меридиональном направлении с зимних пастбищ на юге в сторону северных летовок. Во второй половине 1920-х гг. исследователи кочевого хозяйства Адаевского уезда характеризовали его следующим образом: «Под кочевым хозяйством нами понимается такое хозяйство, которое не имеет постоянного местожительства. Весь год кочевник проводит в кибитке, перевозя ее с места на место всякий раз, как только появятся неблагоприятные для его жизни и хозяйства условия климатического характера, водообеспечения, пастбищного и иного. Хозяйство это должно быть скотоводческим, хотя не исключена возможность земледельческого кочевого хозяйства» [5, с. 36]. Конечно же, и в этой зоне количество населения, занимавшихся кочевым скотоводством, тоже шло на убыль. Но, несмотря на все трудности – сокращения кочевых путей и площадей кочевания, в имеющихся природных условиях возможен был только этот, веками установившийся способ хозяйствования.

Если рассмотреть географическое распространение того или иного вида подвижного скотоводства в изучаемый период, то круглогодично кочевали в основном казахи-скотоводы ряда районов юга, запада и юго-запада, юго-востока и центральной части Казахстана на

территориях засушливо-степной, полупустынной и пустынной зон. Географически к этой, сверхаридной, зоне относились: Манкыстау, Устюрт (Мангышлакский уезд), часть степей Прикаспийской низменности (Гурьевский уезд), Мугоджарские горы, пески Борсыккум в Северном Приаралье (Темирский уезд, Иргизский уезд), степи Тургайской столовой страны (Тургайский уезд), Приаральские Каракумы в Восточном и пески Кызылкум в Юго-Восточном Приаралье (в основном Казалинский уезд, Перовский уезд), Бетпакдала и районы, прилегающие к р. Шу (юг Атбасарского, Акмолинского уездов), пески Мойынкум (на севере Чимкентского и Аулиеатинского уездов), Южное Прибалхашье (северная часть Верненского и Копальского уездов) и частично Северное (Каркаралинский уезд). Зона распространения кочевого скотоводства на карте располагается примерно между 54 и 74° восточной долготы и 44 и 50° северной широты [1, с. 496].

Степень распространения кочевого скотоводства в этих районах резко различалась. Так, если на юго-западе (п-ов Мангышлак и плато Устюрт) почти все казахи вели кочевой образ жизни (75% населения уезда [5, с. 36]), то, например, в Центральном Казахстане (Атбасарский, Акмолинский, Каркаралинский и некоторые другие уезды), степень распространения кочевничества была сравнительно меньше. Последнее наблюдалось также на юго-востоке Казахского края – в Южном Прибалхашье (Копальский и Джаркентский уезды) и в Сырдарьинской области (Казалинский и Перовский уезды) [6, с. 78]. Чистыми кочевниками-*көшпелі* в преобладающем большинстве были большие родо-племенные группы: адай, табын, шекты, шомакей, тама, баганалы (найман), балталы (найман), таракты, жалайыр и др. Племена перечислены, исходя из заселения ими зон большей степени и ареала засушливости на юго-западе Казахстана до сравнительно умеренной и локальной засушливости на юго-востоке. По данным исследователя кочевого хозяйства казахов С.Е. Толыбекова, в дореволюционном Казахстане они составляли население около 130 волостей или 0,8–1 млн. человек, т.е. около 25 % всего населения, включая казахов Туркестанского края [1, с. 496].

В рассматриваемый период различные типы хозяйств параллельно существовали не только в пределах казахских степей и полупустынь, но и почти в каждой области и даже уезде. Примерами могли служить Атбасарский, Акмолинский, Перовский, Казалинский, Иргизский, Темирский и другие уезды [1, с. 496]. Чисто кочевнические – это обычно были экономически мощные, байские либо достаточно рентабельные, середняцкие хозяйства. Из всей массы кочевого населения Казалинского, Перовского и отчасти Иргизского уездов Кызылкумы использовали как зимнее пастбище самые крупные бай-скотовладельцы [1, с. 522]. Среди атбасарцев самыми богатыми и наиболее сохранившими пастушеское хозяйство были номады шести южных баганалинских волостей [7, с. 15]. Это объяснялось тем, что не все кочевые скотоводы могли пройти расстояние в тысячу километров в один конец. Осуществить такое дальнейшее кочевание было под силу только богатым аулам, которые имели в достаточном количестве выючный и верховой исправный рабочий скот, а также работников, и были способны преодолеть и выдержать все невзгоды суровой кочевой жизни [1, с. 522].

Для ведения круглогодичного кочевого образа жизни был необходим определенный лимит скота, это примерно 100–150 овец либо 25 лошадей, 15–20 верблюдов [8, с. 481]. Бедные хозяйства не имели возможности вести чисто скотоводческое хозяйство, например, из-за отсутствия достаточного количества верблюдов и лошадей как выючных животных, а также из-за недостаточного количества овец – главного вида скота у казахов-кочевников, кочевничество утрачивало смысл. Либо бедняцкие семьи вынуждены были кочевать вместе с баями-сородичами, выполняя при этом роль подсобных работников в их хозяйстве. Кроме того, существовали кочевые аулы – кооперации середняцких и бедняцких хозяйств. Наряду с чистыми

кочевниками почти в каждом уезде жили полукочевники и полуоседлые *жатаки*. В конце XIX – начале XX в. немало бедняков, лишившиеся скота, при нахождении местности, пригодной для земледелия, в особенности вблизи реки или озера, где можно было бы заниматься и рыболовством, отрывались от основной массы кочевников и присоединялись к оседлому населению [1, с. 528].

«Чистые» кочевники, как известно, занимались только разведением скота. Земледелие, рыболовство, как правило, у них отсутствовало либо существовало в самых незначительных масштабах. По данным источников, на территории аридных зон на рубеже XIX–XX веков ситуация не менялась. В данных условиях земледелие из-за отсутствия поверхностного стока и господства скотоводческой специализации было практически невозможно. Все хозяйственное время и производственные потребности покрывались нуждами и интересами кочевого скотоводства [8, с. 303]. Все так же, на рубеже XIX–XX вв., например, у кочевников-адаевцев, вкочевывавших в Темирский уезд, единственным средством к существованию продолжало оставаться скотоводство, единственным способом скотоводческого хозяйства – пастбищно-кочевой, при котором скот летом пасся на северных, зимой на южных пастбищах, довольствуясь исключительно подножным кормом [9, с. 28]. На Мангышлаке земледелие процветало скудно и приносило лишь столько, как пишут источники, чтобы прибавить немного крупы к молоку. Как сообщал Р. Карутц: «Если вас угощают хлебом – у зажиточных или в береговой области, – то зерно или муку, уж наверное, купили в Александровском форте или получили из Хивы, куда с этой целью время от времени аулы посылают своих представителей, собирающихся в караваны» [10, с. 40]. Земледелием кочевники Атбасарского уезда также в этот же период почти так же не занимались, промыслы тоже находились в зародышевом состоянии [7, с. 16]. Запасы сена они тоже не производили [7, с. XXII]. В Адаевском уезде даже во второй половине 1920-х годов сенокошение и земледелие все еще имело крайне ничтожное значение [5, с. 15]. В этой связи знаток кочевого быта А.Н. Букейханов даже заметил: «Адай занимается скотоводством и скотом поработен до такой степени, что не скот нужен адаю, а сам адай живет лишь для того, чтобы пасти, поить, караулить от конокрадов и волков... свой скот» [8, с. 303; 11, с. 72].

Кочевники разводили, как правило, только скот, способный переносить дальние переходы и при этом имевшие тебеневочный инстинкт – самостоятельное добывание травы из-под снега. Это: овцы, козы, лошади, верблюды. Не разводили крупный рогатый скот, который, как известно, является прихотливым животным, не переносит дальние расстояния и не имеет инстинкт к тебеневанию. «Предмет киргизского скотоводства составляют овцы, козы, лошади и верблюды. Рогатого же скота, равно как и ослов, здесь не держат... Как домашних животных держат для защиты аулов и стада собак, но далеко не в таком количестве, как у бедуинов; затем заводят кошек против мышей и охотничьих соколов...» [10, с. 46]. При этом, «истинным источником жизни кочевых казахов была овца, которая доставляла мясо и молоко для питания, навоз для топлива, шкуры для одежды и утвари, кости для орудий, игрушек и амулетов, шерсть для войлока, шнурков, поясов; ее желудок служил в качестве сосуда для воды и молока, то есть у овцы не оставалось ничего, чего бы не использовал кочевник» [10, с. 47]. Кочевники-адаи даже в предколлективизационный период (в 1926 г.) свое отношение к рогатому скоту выражали следующим образом: «*сиыркорсен, урып кет*» – «увидишь корову – бей ее» [11, с. 62].

Видовой состав стада кочевника-атбасарца так же соответствовал необходимости в продолжительных кочевках в течение круглого года. В стаде атбасарских кочевников, по данным источников изучаемого периода, было мало рогатого скота, много овец, а также верблюдов, необходимых для перевозки имущества кочевника на дальние расстояния в тяжелых условиях

Голодной степи, где более нежное животное – лошадь не могло служить [7, с. XXI]. Однако, байские хозяйства кочевых казахов, в частности, казалинских, имели некоторое количество крупного рогатого скота, которое содержалось у жатаков на северных летовках. В зависимости от числа дойных коров жатаки должны были осенью сдавать скотовладельцу определенное количество масла, сушеного курта и иримшика [1, с. 565].

Круглогодичное содержание скота на подножном корму, как известно, являлось фундаментальной особенностью кочевого хозяйства [8, с. 278]. Кочевники в рассматриваемый период все так же не заготавливали сено, круглый год скот питался подножным кормом. Так, по свидетельству источников, сенокосение было, например, развито очень слабо как у постоянных кочевников-атбасарцев, так и в аридных зонах западного, северного и восточного Приаралья [7, с. XXX–XXXI; 7, с. IX; 12, с. 116]. В южных районах, где находились их зимние кочевья, во-первых, было мало мест, годных для сенокосения, во-вторых, было больше возможности обходиться без запасов сена, так как неглубокий снежный покров в песках, по наветренным склонам холмов и гор позволял скоту пользоваться подножным кормом всю зиму. В типичном скотоводческом кочевом хозяйстве адаев и в 20-х гг. XX в. корм на зиму все так же не заготавливался, то есть скот круглый год все так же находился на подножном корму [13, с. 8].

По своим размерам аулы кочевых скотоводов были различны, они изменялись даже в течение года, что происходило под влиянием социальных и естественных условий, как-то: состоятельности хозяйств, травостоя и др. Как правило, кочевой аул насчитывал от 2 до 7 хозяйств. Полукочевые и оседлые аулы обычно бывали более крупными, имели один-два десятка хозяйств. В дореволюционной литературе их называли аул-кстау или хозяйственными аулами [1, с. 500]. В Атбасарском уезде на одну северную (полукочевую) общину приходилось в среднем 5,65 аула или 44 хозяйства, на один аул почти 8 хозяйств, а на одну же южную, то есть чисто кочевую, общину – 6,85 аулов или 28 хозяйств и на один аул только 4 хозяйства. Так как на юге, указывается в источнике, скот и зимою находился на подножном корму, то необходимо было селиться шире, чтобы не стеснять пастбу скота [7, с. V]. Адаевские аулы в преобладающем большинстве состояли из 2, 3 и 4 хозяйств [11, с. 64]. Каркаралинские кочевники жили аулами по 2–3 хозяйства, но при этом весьма близко аул от аула. Малую величину каркаралинского аула источники объясняют тем, что здесь скот продовольствуется зимой главным образом подножным кормом, и при этом в зимнее время мало удобных пастбищ и мелкий скот не может отходить далеко от аула [14, с. 19].

Закономерность дисперсной организации системы материального производства и образа жизни представляла собой особый механизм природопользования, с помощью которого обеспечивалось экологическое освоение аридной зоны [8, с. 351]. Особенно большая дисперсность, рассеянность кочевого населения, существовала в зимний период. Зимой необходимо было прокормить стада в условиях естественной недостаточности подножного корма. Зимние аулы постоянно кочующих скотоводов были наименьшие по размеру [1, с. 524].

Основой образования единицы аулов являлось стадо [1, с. 524]. Поэтому количество хозяйственных единиц в одном ауле зависело от количества голов скота. В одном овечьем стаде, как правило, должно было быть около 300 голов. Если количество овец было большим, то стадо разбивалось, например 1000 голов на три стада, и отправлялось в отгон. То есть в дисперсном состоянии могли существовать не только отдельные хозяйства, но одно хозяйство, если оно было большое, то на время делилось на части (подаулы у С.Е. Толыбекова). Летом аулы, а также его ответвления – если это богатое хозяйство, дисперсно расселялись для лучшего прокорма, наживовки, тучности стада, что было самой важной задачей кочевых скотоводов в летний период в преддверии зимних испытаний: непогоды и ограниченного и малопитательного подножного

корма зимой [1, с. 524–525].

Во время же кочевания несколько общин кочевых скотоводов собирались в большие группы и кочевали одновременно по одному и тому же пути [7, с. V]. Так, адаевский аул или община кочевала всегда вместе в пути с юга на север или обратно, а летом на севере, зимою – на юге, пока состояние пастбища благоприятствовало этому, т.е. на данном пастбище нагуливали жир все виды скота. Если пастбище оказывалось хорошим, например, только для верблюда, то аул или община разбивалась на группы пастухов: лошадей, овец и верблюдов [11, с. 66]. Одни оставались с верблюдами на месте, другие откочевывали на соответствующее пастбище с лошадьми, третьи – с овцами [11, с. 66]. Весной или осенью собирались для того, чтобы совместно совершить длинный кочевой путь [11, с. 67]. Год пути кочевков аула или общины представлял собой, по образному выражению А.Н. Букейханова, длинный казахский пояс, вытянутый по меридиану, кисти которого веером были развернуты зимою на юге, летом – на севере. Как пояснял казахский ученый-экономист, если аул или община кочевали вместе, то это – кисти пояса, собранные вместе, когда же аул или община распадалась на пастушеские группы лошадей, верблюдов и овец, то кисти пояса выглядели как три луча [11, с. 67].

Летом, если кочевники замечали, что скот не нагуливает жира, аул (или община) распадался по видам скота (лошадь, верблюд и овца) и расходился, либо меняли стоянку. Распавшиеся аулы собирались для стрижки овец (примерно 20–30 сентября) и отправлялись в обратную кочевку на юг. На юге аул (или община) кочевали вместе до тех пор, пока зима была благоприятна: все виды скота в таком случае находили хороший корм на одной стоянке аула. В плохую зиму аул (или община) распадался на пастушеские группы: лошадей, верблюдов и овец, и каждая кочевала отдельно, чтобы соединиться на кочевку на север и для ягнения овец, что происходило обычно 15-го марта [11, с. 68]. Дисперсное существование кочевых скотоводческих хозяйств было обусловлено не только необходимостью обеспечить стадо достаточным кормом, но и достаточным количеством воды.

Расстояние между двумя крайними точками кочеваний при данном типе кочевого хозяйства было наибольшим. Скотоводы Казалинского и соседних с ним Перовского и отчасти Иргизского уездов, баганалинцы и аргынцы Атбасарского и Каркаралинского уездов, адаевцы и табынцы Мангышлакского, Гурьевского и Темирского уездов, совершавшие круглогодичное передвижение, имели самые большие радиусы кочевания во всем Казахстане [1, с. 519]. Их широкоамплитудные кочевки достигали в течение года до 2000–2500 км [8, с. 302]. Имевшие очень мало удобных летних пастбищ, хозяйства этого довольно значительного числа казахов южных пустынных зон летом вынуждены были откочевывать далеко за пределы своих уездов, в северные районы Казахстана [15, с. 65]. Зимой они кочевали на юге: в долинах рек Шу, Сырдарья, в Кызылкумах вплоть до Амударьинского отдела, а также на Мангышлаке, Устюрте, Южном Приаралье (низовья Амударьи); зимовали в камышах, песках, между холмов в гористой местности. Летом же – на степных просторах северной половины Казахстана по соседству с местным полукочевыми и полuosедлым населением.

Адаевские овцеводы и коневоды в поисках подножного корма и воды совершали тысячеверстные перекочевки: к зиме они уходили в пески и камыши Аральского побережья и Закаспийской области, к началу лета прикочевывали на ковыльные и полынные степи в окрестности Уила и Темира [16, с. 221]. Другая часть кочевников-адаевцев кочевала от Уральска на севере до Красноводска на юге, от восточного берега Каспия до западного берега Аральского моря или от Форты до Хивы и не переходили за эту линию [10, с. 46]. В случае глубоких снегов или гололедицы казахи Темирского уезда перегоняли свои стада на Устюрт и еще южнее, в пределы Мангышлакского уезда. Некоторые богатые скотоводы этого же уезда передавали часть

своих стад родственникам-адаевцам, которые на зиму уходили еще южнее, в пределах Красноводского уезда и Хивинского ханства [9, с. 228]. В 20-х гг. XX века роды адай и табын Адаевского уезда летом откочевывали на север, делая в один конец по одним данным 700–900 верст, по другим – не менее 1000 км кочевых путей [5, с. 31; 11, с. 66]. Эти скотоводы кочевали с Устюрта, Мангышлака и Бозащи (Бузачи) на реки: Эмбу, Сагиз, Уил, Кара Хобда, Сары Хобда. Таких кочевых хозяйств в Адаевском уезде имелось около 13.890–13.940 хозяйств или 47% всего количества населения уезда [5, с. 31]. Шектинцы, тоже кочевавшие в западном Приаралье по меридиану, проходили около 700 верст от зимовых стойбищ до летовок, преодолевая это расстояние за 90–100 дней [12, с. 121]. Самые богатые и наиболее сохранившие пастушеское хозяйство номады шести баганалинских волостей Атбасарского уезда, имевшие свои зимовые стойбища на р. Чу, ежегодно совершали перекочевки с крайнего юга на крайний север уезда, переходя около двух тысяч верст непрямыми линиями в том и другом направлении [7, с. 15]. Большие, зажиточные хозяйства из Мангышлака, Устюрта и Кызылкумов переходили через Темирский, Иргизский и Тургайский уезды в пределы Актюбинского и Кустанайского уездов. Однако многие хозяйства вынужденно оставались на Эмбе, в Иргизе и Тургае. Маломощные середняцкие хозяйства передвигались только в пределах своей волости и уездов [15, с. 74].

В общем же кочевые пути в указанный период, в тех местностях, где имелаась к тому возможность, имели тенденцию к сокращению. Например, в Каркаралинском уезде, где еще несколько десятков лет назад кочевали на верблюдах далеко за пределы уезда, вьючный скот вытеснялся телегами, на которых дальняя кочевка невозможна. Однако, южане-кочевники Каркаралинского, как и Акмолинского, Атбасарского и др. уездов в этот период все еще продолжали кочевать на верблюдах [14, с. 56].

Сокращение летовочных пространств в уездах степной зоны было вызвано уплотнением населения этих уездов, особенно в связи с начавшимся переселением сюда русских крестьян [5, с. 94]. В то же время это переселение вызвало за собой и сокращение количества скота в южных кочевых уездах Казахстана [5, с. 94]. Так, по бывшему Мангышлакскому уезду, до 1908 г. происходило увеличение общего количества скота, а с 1909 г. обнаруживалось заметное его уменьшение: в 1908 г. было 1.786.364 голов, а в 1914 г. – только 745.553 голов, т.е. осталось только 41,7% [5, с. 94]. Все чаще происходили джуты вследствие сокращения летовок и необходимости оставаться в более южных территориях, плохо обводненных и имеющих скудные пастбища [5, с. 96].

Не менее важным для кочевника было наличие в местности питьевой воды для скота и людей. В условиях аридного климата наличие водных источников приобретало решающее значение для скотоводства. Как сообщает источник: «Хозяйство номада регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев. Стадо не может оставаться на каком-либо месте дольше, чем там имеется трава и вода; как только и того, и другого становится мало, скотовод вынужден отправляться дальше» [10, с. 46]. Для кочевого хозяйства было характерно использование, наряду с естественными, искусственных водных источников – колодцев. Известным этнологом Н.Э. Масановым была предложена типология, по которой скотоводческие хозяйства казахов подразделяются на два типа по характеру водопользования: на использующие естественные, природные источники и искусственные. При этом кочевые хозяйства сверхаридных зон полупустынь и пустынь он относит к типу искусственного водоснабжения [8, с. 80]. Однако, на наш взгляд, данная типология в целом повторяет широко распространенное среди исследователей кочевых обществ деление на кочевых и полукочевых (полуоседлых) скотоводов.

В общем, кочевники использовали для поения скота следующие виды водных источников: реки, родники, озера, снег, места скопления талой воды – каки (*қақ*) и тақыры (*тақыр*), а также колодцы (*қудуқ*) разной глубины [17, с. 17; 5, с. 61]. Зимой, в безводных местностях Кызылкумов, Устюрта и Мангышлакского полуострова скот довольствовался снегом, а население снеговой водой. Поэтому, в начале марта кочевники уже собирались в обратный путь на север. В песках можно было оставаться до тех пор, пока на земле сохранялся снежный покров [1, с. 520; 5, с. 61]. Одна из особенностей кочевания казахов Мангышлака, Кызылкумов и низовьев р. Шу, на пути которых встречались обширные безводные пространства, – ритмичное движение на север вслед за талой водой или же от колодца к колодцу [15, с. 77].

Особенностью водопользования у кочевников аридных зон является использование глубоких колодцев – *шыңырау*, глубина которых доходила до 30–40 саженей [11, с. 64] (1 сажень = 2.1336 метра). Такие глубокие колодцы встречались через каждые 20–30 км по основным кочевым путям и в местах зимований, например, адаевцев, табынцев, шектинцев, баганалинцев [15, с. 70]. Кочевники Мангышлакского уезда почти круглый год скот поили из таких колодцев. Колодцы-шыңырау находились на юге уезда, где роды адай и табын кочевали зимой, в трудное время года, когда разнородное стадо нужно было поить в холодную или дождливую погоду [11, с. 64]. Это обстоятельство определяло предел количества скота, которое может быть удовлетворено в день из одного шыңырау и, соответственно, предельную величину скотоводческой общины [11, с. 66]. Колодцы-шыңырау обкладывались камнем, ограждались каменным или земляным валом от скота. При шыңырау имелись каменные, выдолбленные из цельного камня, 10-ти ведерные корыта – *астау*. Из шыңырау воду доставали 5–10 ведерными мешками – *мес* [11, с. 67].

Вырыть глубокий колодец в сыпучем песчаном грунте в Кызылкумах и Бетпак-Дале – дело очень трудное и весьма опасное для жизни людей [1, с. 520; 15, с. 70]. Для их строительства нанимали работников, трудившихся в течение нескольких месяцев, чтобы сделать один добротный колодец с опущенным срубом из саксаула [15, с. 70]. Специалисты, которые строили такие колодцы, брали за его сооружение не менее 300–400 баранов [1, с. 521]. Особого умения и большого труда требовали глубокие колодцы Мангышлака и Устюрта, где после 1,5–2-метрового слоя грунта часто встречается сплошной, довольно толстый (от 20 до 100 м) слой ракушечника, под которым находится водоносный горизонт. Чтобы добраться до воды нужно было пробить этот каменный слой. Для этого нанимали людей, специально занимавшихся этим делом, которые иногда годами трудились над одним колодцем, зато такие колодцы отличались долговечностью и обилием воды. По рассказам информаторов, в песках Сама, Мангышлака и Устюрта до сих пор действуют многие колодцы, вырытые 150–200 лет тому назад [15, с. 70].

На Устюрте, Мангышлаке, в Кызылкумах и Бетпак-Дале нередко встречались спаренные колодцы – *қос қудық*, расстояние между которыми определялось их глубиной. Это делалось для того, чтобы с наименьшей затратой сил и времени напоить как можно большее число скота [15, с. 69]. Шыңырау, как и другие колодцы и водопои – тақыры, каки на кочевых путях, реки и речки на северной летовке, находились в общем пользовании рода [11, с. 67]. Колодцы на пастбищных участках были собственностью аула, отдельного рода или рывших их хозяев, колодцы же, расположенные на кочевых путях, являлись общественными, с использованием на основе права первого захвата [15, с. 70]. При возникновении спорной ситуации первым пользовался тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии – ближайшие его родственники, при отсутствии же их – следующий по родству, до самого первого колена [11, с. 67]. При этом права рода на шыңырау кочевники, по словам А.Н. Букейханова, сравнивали с правами на женщину: «Әйел ерден кетсе, елден кетпес», т.е. женщина может уйти от мужа, но не уйдет от рода [11, с. 68].

Весной на пути кочевки каждая скотоводческая община также очищала старые неглубокие колодцы – тангхы (*таңқы*) глубиной 4–8 аршин (1 аршин = 71,12 сантиметра), или рыла новые. Скотоводческая община должна была иметь столько людских рабочих сил, чтобы в день вырыть себе колодец, достаточный для своего скота [11, с. 66]. Крупные скотовладельцы с этой целью, кроме пастухов и табунщиков, содержали пропорционально количеству скота число малаев (т.е. наемных батраков) и полумалаев (бедных родственников) [1, с. 522]. Пользование водой из колодцев очень затрудняло перекочевку и для кочевников Восточного Приаралья (Казалинский уезд): колодцы располагались на значительном расстоянии друг от друга, в верстах 15–25, а местами и в 40. Передвижение на такие расстояния были губительны для отощавшего за зиму скота, к тому же нередко вода находилась на глубине 10–20 сажень. Чтобы напоить многочисленных стада, надо было затратить много труда и времени [1, с. 498].

Поение скота из колодцев должно было производиться своевременно и с известной быстротой. На стадо в 200 голов овец надо иметь 2–3 корыта – *астау*; из одного астау в одно и то же время могут пить 30–40 баранов или 10 верблюдов, при условии, если в каждое корыто будут черпать воду 2 человека [1, с. 522]. В процессе кочевания для рытья колодцев и организации водопоя использовался разнообразный инвентарь в виде кирок, кетменей, железных лопат, железных и кожаных (*көнек*) ведер с длинными деревянными ручками или толстой веревкой, применявшихся для выбрасывания земли, выливания грязи и черпания воды. Если колодец был глубже 7–8 м, то делали блок с рычагом (*шарық*), который приводила в движение лошадь или верблюд [1, с. 523].

Кроме того, в жаркое время года в безводных местах надо было рыть новые колодцы или исправлять и очищать старые, чтобы напоить скот [1, с. 522]. Мелкие колодцы рылись или ремонтировались и очищались ежегодно, но служили лишь в течение одного, в лучшем случае двух лет [15, с. 70]. На северной летовке обычно рыли неглубокие колодцы, каждый аул имел по несколько колодцев. Кочевники адаи были большими мастерами по рытью колодцев, по свидетельству А.Н. Букейханова, их работа поражала чистотой и аккуратностью исполнения. Каждый адай имел при себе железную лопату, носил ее за поясом, а потому она у адаев называлась не *күрек*, как у всех казаков, а *белдеме*, т.е. поясная. Ею он рыл и очищал колодцы, расчищал зимою от мерзлой земли место для ночлега овец и верблюдов, колодцы в стоянке аула [11, с. 68].

По пути с юга на север и обратно, на день или полдня кочевники Мангыстау и Устюрта иногда останавливались и на безводных стоянках. Число безводных стоянок колебалось от 4 до 52. На безводные стоянки воду для людей привозили с прежней стоянки, для чего каждый хозяин имел 5–10-ведерную бочку с крышкой и краном, или бочку заменяла шкура крупного скота – мешок, называемый *мес*. Во время кочевки должен был использоваться под воду отдельный рабочий верблюд-водовоз [11, с. 66].

Как уже не раз было сказано, ввиду специфических природно-климатических условий пустынной зоны, в южной части Казахстана (за исключением крупных речных долин и горных районов) большинство скотоводов этих областей сохраняли сугубо кочевой образ жизни и ведения хозяйства. Поэтому стационарные кыстау скотоводов получили здесь слабое развитие. Вопросы, связанные с генезисом стационарных кыстау в Казахстане, в том числе в зональном плане, специально рассмотрены в большой статье С.Е. Ажигали [см.: 9, с. 174–184]. По его заключению: «Развитию стационарных зимовок в пустынных районах препятствовало отсутствие достаточных сенокосных угодий, скудный травостой, вынуждавший кочевать и зимой, и, в определенной степени, недостаток надежных водных источников. Менее суровый зимний климат засушливой зоны Казахстана позволял кочевникам зимовать в утепленных юртах

и использовать разборно-переносные загоны для скота. Однако элементы стационарности в местах зимнего стояния у отдельных групп скотоводов начала XIX в. были налицо и выражались, прежде всего, в устройстве стационарных некрытых загонов для скота (преимущественно из камня-плитняка), заготовке штабелями топлива, небольших запасов сена, устройстве утепляюще-укрепляющих круговых каменных планировок по низу юрт. Все это дает основания считать такие поселения одной из форм временно-стационарных кыстау, в которых ключевую роль играла юрта» [3, с. 180].

По свидетельству С.Е. Толыбекова, не было постоянных зимовок с постройками в песках Кызылкумов, и все без исключения его обитатели проводили зиму в разборных и переносных войлочных юртах [1, с. 521]. Для скота же ранней весной и в осенне-зимний период устраивали загоны (койкора, туюеора) [1, с. 522]. В Иргизском уезде тоже были кочевники, которые не имели постоянных жилищ и «не устраивали защиты и охраны от непогоды, волков и воров» [22, с. IX]. Кочевники на юге Атбасарского уезда также не имели постоянных построек ни для людей, ни для скота. По данным источников, лишь 92 % из них имели юрты и только 8% – постоянное жилье [7, с. XXII, XXVI]. Тот же признак круглогодичного кочевания наблюдался у жителей сверхаридной зоны Казахстана, у кочевников-адаев. Они так же не имели постоянных зимних жилищ, круглый год жили в войлочных юртах, или же в небольших двускатных войлочных «палатках» – *жолым-үй* [16, с. 221]. Зимой овец и верблюдов они держали в открытом огороженном кошмоу загоне-*ыхтырма* [11, с. 62]. Адаевский аул, по данным источников, за редкими исключениями, не имел ни постоянных построек-изб и дворов, ни усадебных мест и т.д. [11, с. 64].

В чисто кочевом сообществе в рассматриваемый период также не наблюдалось строгого обособления пастбищ и водных источников, как у полукочевников и полuosедлых казахов средней и северной степной полосы в этот же период. Как сообщают источники, в пределах определенного района на юге у кочевников господствовала полная свобода, каждый мог переходить, куда хочет, и из колодца поил тот, кто первый пришел; никаких отмежеванных пастбищ не существовало. Однако, в пределах всей обширной степной области известные разграничения имелись [10, с. 46].

У казалинских кочевников никаких ограничений и регламентирования в использовании пастбищ и колодцев тоже не существовало, за исключением того случая, когда кто-либо один рыл колодец и потому являлся его единственным хозяином. Другие могли пользоваться колодцем только после того, как хозяин полностью удовлетворял водой свои стада [1, с. 521]. Во время зимований на всей территории песков Кызылкумов передвижение кочевых аулов с «кона» на «кон» и в любом направлении никем не ограничивалось. «Конь» не являлись чьей-либо собственностью. Их занимал тот, кто первый в данный момент находил, т.е. действовало право первого захвата для временного пользования [1, с. 522]. В Каркаралинском уезде владение и пользование земельными угодьями принадлежало аулу, хотя единицей владения являлся не аул а общинно-аульная группа [14, с. 19].

У кочевников Адаевского уезда ни пастбища, ни водопой, ни колодцы не находились в чьем бы то ни было исключительном пользовании. Колодцы и пастбища находились в общем пользовании всего рода адай, также и табын, т.е. всего уезда. Любой аул или община останавливались на любом месте, где мог бы остановиться и другой аул с таким же правом [11, с. 67]. Следовательно, в землепользовании не было никаких ограничений, каждый аул останавливался там, где хотел, т.е. временная принадлежность всякого пастбища определялась тем, чьим скотом в данный момент оно было занято [1, с. 553]. Колодцы и пастбища на юге у кочевников находились не только в общем пользовании родов. Глубокие колодцы и зимние

пастбища как наиболее ценные уголья могли принадлежать также одной общине – семейно-родственной группе *ата баласы*, а иногда и отдельному хозяину [6, с. 97–100].

Однако, в конце XIX – начале XX века уже иначе обстояло дело с землепользованием на территории северных уездов, на кочевых путях и в местах летовок. Так, богатые скотоводы Иргизского уезда имели свои постоянные зимовки в Каракумах, время от времени отправляя на юг в Кызылкумы на зиму часть своих овец и верблюдов. Весной баи откочевывали на 200–300 км от зимовок, но оставляли здесь на лето своих джатаков, которые очень ревниво охраняли ближайшую территорию зимовок и сенокосы от потравы. Поэтому кочевникам приходилось передвигаться и останавливаться только в определенных пунктах [1, с. 554]. Расположенные на этой территории посевы, сенокосы и прочие пастбища местных жителей, которые тянулись на десятки километров, охранялись. Поэтому кочевники могли останавливаться лишь на местах общего пользования. В других случаях они должны были входить в соглашение с местными жителями. В большинстве случаев местности Тургайской области на основе соглашения местного казахского населения с перовскими кочевниками предоставлялись для пастбы их скота за вознаграждение скотом, иногда деньгами, за угощения и т.д. [1, с. 555]. В Атбасарском уезде, по источникам, во время весеннего перехода с юга на север кочевникам-южанам можно было останавливаться в любом месте, никто этому не препятствовал. На обратном же пути они так же, как и казалинцы, вынуждены были делать остановки только на площадях общего пользования, так как многие территории осенью превращались в обособленные кыстау и кузеу [7, с. XXVIII].

На северных летовках кочевникам-адаевцам также с каждым годом все больше приходилось сталкиваться с новыми формами хозяйства и владения землею: где еще недавно было общее пастбище, – там вырастала чья-нибудь зимовка, распахана была пашня, поставлены стога сена. Уверенные в своем исконном кочевом праве, сообщает А.А. Кауфман, адаевцы разбивали свои жилища там, где летовали их деды и отцы; скот их, не привыкший к стеснениям, разбрелся во все стороны, не разбирая ни пашен, ни покосов. Отсюда были бесконечные потравы и непрерывные распри, в которых, продолжает автор, всегда вооруженные, смелые, как истые кочевники, адаевцы не останавливались и перед насилием, а их полуосевшие сородичи охотнее, нежели к оружию, обращались к защите начальства [16, с. 221]. Другой источник подтверждает: кочующие скотоводы-адаевцы и табынцы Темирского уезда жаловались на возникающие в те годы стеснения на северных летовках Актюбинского уезда, на распространение сенокосения и посевов, стесняющее пользование пастбищами и водопоями. Местные же казахи, перешедшие к земледелию, – на вытравливание покосов и посевов стадами вкочевывающих хозяйств. На почве неурегулированности землепользования возникали острые столкновения, пагубно отражающиеся на благосостоянии, как местных оседлых казахов, так и кочевников [9, с. 228].

Так как кочевое скотоводство было основано на пастбищной системе и круглогодичном содержании скота на подножном корму, это требовало наличия разных по своим качествам и, как правило, обширных по площади сезонных пастбищ: зимних, весенних, летних и осенних. Скотоводы регулярно совершали перекочевки с одного сезонного пастбища на другое в меридиональном направлении. Зимние пастбища в основном находились южнее летних, обычно на довольно большом расстоянии [6, с. 78]. Кочевники аридных зон Казахстана в рассматриваемый период по-прежнему имели четыре стадии в годовом цикле кочеваний: зимнюю, весеннюю, летнюю и осеннюю. Каждому сезону соответствовало использование определенных пастбищ. В качестве весенних и осенних использовались пастбища, расположенные на пути следования из зимовки на летовку и обратно. Зимой и летом передвижений аулов совершалось меньше. Однако и в эти периоды происходили постоянные

смены пастбищ после выпасивания их скотом. Зимой перекочевки были ограничены из-за неблагоприятных погодных условий, холода, предполагалось меньше кочеваний, однако, если в округе пастбища уже были все использованы, то аул вынужден был перекочевывать на новое место с нетронутой прошлогодней травой. На одном месте аул находился в среднем один месяц. Летом не было необходимости в частых передвижениях, так как северные летовки имели обычно богатый травостой. Лишь стада уходили вместе с пастухами на выпас. Если хозяйство было большое, то оно разбивалось на более мелкие.

Кочевание представляло собой сложную хозяйственную деятельность. Это означало (за исключением нескольких летних и зимних месяцев, когда аулы стояли на одном месте значительно дольше, чем в остальные времена года), что почти ежедневно необходимо было разбирать и собирать юрты, навьючивать и развьючивать верблюдов, очищать место для ночлега на «коне», чтобы установить разборно-переносной открытый загон для скота (койкора, түйекура) и т.д. [1, с. 522].

Режим кочеваний у скотоводов аридных зон был следующий [5, с. 110]:

Название периода кочевания	Мах продолжительность Месяцы/дней	Мин продолжительность Месяцы/дней	Средняя продолжительность Месяцы/дней
Зимние кочевки (кстау)	<u>1 декабря – 1 мая</u> 150	<u>15 января – 15 марта</u> 60	<u>15 января – 25 марта</u> 100
Весенние кочевки (коктеу)	<u>15 марта – 1 июля</u> 105	<u>1 мая – 15 мая</u> 15	<u>25 марта – 1 июня</u> 65
Летние кочевки (жайлау)	<u>15 мая – 1 ноября</u> 165	<u>1 июля – 15 сентября</u> 75	<u>1 июня – 10 октября</u> 130
Осенние кочевки (кузеу)	<u>1 сентября – 15 января</u> 135	<u>15 октября – 1 января</u> 45	<u>10 октября – 15 декабря</u> 65

Зимовки на крайнем юге, а равно и летовки на крайнем севере обычно были короче приблизительно на 15 дней, за счет чего увеличивались весенний и осенний кочевые пути. Каждый из этих периодов был связан у кочевников с определенными группами урочищ и временем. В то же время в каждом сезоне имелись свои особые типы пастбищ и в них излюбленные животными кормовые растения [5, с. 110]. При круглогодичном содержании скота на подножном корму кочевание носило характер производственного процесса, при котором сезоны года выступали как определенные стадии, отличающиеся друг от друга количеством перекочевки в течение сезона, длиной перекочевки за один день [6, с. 31]. Каждому сезону соответствовала определенная, веками существовавшая, обусловленная логикой кочевого скотоводческого хозяйства деятельность и способ кочевания.

Ключевая деятельность в скотоводческом хозяйстве – это, конечно же, организация выпаса скота. В зимних условиях это было сложным, рискованным делом. Зимние пастбища в кочевом скотоводческом хозяйстве были наиболее важными. Зимовья кочевников аридных зон находились на юге, в пределах Закаспийской области и Хивинского ханства, в окрестностях Кунграда по низовьям Амударьи и на побережье Аральского моря [1, с. 498; 19, с. 90]. Благоприятны были для кочевников зимовки в песках, где в межбарханных котловинах они находили защиту от буранов для себя и для скота, и где всегда можно найти места, лишенные снега и удобные для пастбы скота [5, с. 112]. Так, местом зимнего кочевания большинства кочевников Казалинского уезда были широкие долины сухих русел Инкардарьи, Кувандарьи, Жанадарьи (юг Казалинского уезда – Г.О.) и бескрайние песчаные пространства пустыни Кызылкум с достаточно богатой флорой, вполне пригодной для зимней пастбы верблюдов, овец

и коз [1, с. 520]. Обычно в Кызылкумах, как указывалось, зима мягкая, снег неглубокий, трава на зиму сохранялась в целости, так как в течение весны, лета и осени там кочевников со скотом не было. В начале или середине декабря кочевники уже находились в Кызылкумах, в самых отдаленных местах зимнего пастбища, иногда в пределах Амударьинского отдела [1, с. 535; 20, с. 57]. В пределах Кызылкумов кочевники находились максимум 2–2,5 зимних месяца и добирались до самых дальних точек пустыни не раньше 15 декабря [1, с. 520].

Как уже было отмечено, скотоводы-кочевники зимой также меняли место стоянок, исходя из нужд скотоводческого хозяйства. Считалось общим правилом сниматься с места стоянки через 15–20 дней. К этому времени пастбища даже при хорошем травостое кормов, в радиусе в 8–10 км от стоянки бывали вытравленными [5, с. 112]. За зиму обыкновенно передвигались 4–8 раз [5, с. 114]. Зимние кочевания совершались на небольшие расстояния; аулы разбивались на более мелкие кочевые единицы для обеспечения скота подножным кормом [1, с. 498].

Аулы в тех случаях, когда они не имели зимних пастбищ, вместе шли за пределы уезда на арендованные земли, причем обыкновенно платили за котан, т.е. за стадо овец известного размера, определяемого наибольшими удобствами выпаса по местности, и потом уже распределяли плату между собою по количеству овец. В некоторых случаях на арендуемой земле скот всей группы пасся смешанно, но случалось, что пастьба производилась отдельно каждым аулом, а иногда даже каждый аул имел свое обособленное пастбище или для всего скота, или для более слабой его части [7, с. VI]. За право пользования зимними пастбищами в пределах Хивинского ханства кочевники, например, Темирского уезда уплачивали «шөп пұлы» – плату за траву, по 10 коп. с верблюда, 5 коп. за лошадь и 2 коп. за овцу [19, с. 63].

Каждый аул зимой непременно останавливался на коне (*көн*) – старой стоянке с сухим прошлогодним навозом. Время пребывания кочевого аула на коне определялось сроком истощения подножного корма для скота в окрестностях. Во всяком случае, зимой аул не мог оставаться на одном месте дольше месяца [1, с. 521; 7, с. XXVI; 11, с. 70]. Случалось, что выпадал слишком глубокий снег, или наступала оттепель, а после нее крепчал мороз, и снег покрывался коркой льда, вследствие чего овцы не в состоянии были добывать себе корм [7, с. XXVI]. Скормив истощенному скоту свои скудные запасы сена, кочевники, в стремлении сохранить до весны хоть часть скота, всячески старались помочь ему в добывании корма, то разбивая ледяную корку и расчищая пастбище от снега для овец, то собирая из-под снега любое подобие корма в виде грубых трав и кустарников [14, с. 45]. Зимняя пастьба овец была особенно трудна. Зимой стадо овец обычно не превышало 400–500 голов, иначе молодняк погиб бы с голоду [1, с. 535]. Хозяйства, имевшие не менее 2000 овец, на осенне-зимний период обязательно разбивали их в среднем на три стада, т.е. помимо основного создавали еще два подаула или пастушеские аулы [1, с. 536].

Табуны лошадей – косы – паслись в отгоне. Лошадей невыгодно было оставлять близ кстау, ибо они очень быстро вытравляли пастбища, и тогда ради другого скота приходилось совершать перекочевку, что зимой представляло большие трудности. Лошадей отгонялись, либо оставались на местах летовок и кузеу, где оставалось немало травы, кроме того, некоторые безводные пространства с хорошей растительностью не использовались летом и представляли прекрасные зимние пастбища для лошадей. Отгонные табуны выпасались преимущественно на площадях общего пользования, иногда за сотни верст от кстау своих хозяев [14, с. 57]. Так, большие табуны сырдарьинских кочевников иногда оставались зимовать с разбивкой на «косы» на территории Иргизского и Кустанайского уездов, где у них находились джайлау [1, с. 539]. Многолошадные, тысячные табуны не распускались по хозяйствам круглый год. Такие хозяева брали на лето из табуна для кумыса необходимое число кобылиц с жеребятами, а на зиму вновь отпускали их вкос

[14, с. 57].

Пастьба верблюдов особой трудности не представляла, верблюд – очень смирное и послушное животное, лишь зимой рабочие особи и годовалый молодняк нуждались в войлочных пополах *жабу* и в подстилке на коне. Самая большая работа в уходе за верблюдами – это организация водопоя, когда не выпадал снег, устройство изгороди (*ықтырма*) из циновки для защиты от ветра, ежедневная уборка помета на коне [1, с. 540].

Откочевывание аулов кочевников с зимовых стойбищ Мангышлака, Приаралья, Кызылкумов и Чуйской долины начиналось в начале марта, с момента стаивания снегов. Скотоводы стремились к раннему началу кочевки, так как запасы пресной воды в родниках и копанях на зимовках были слишком незначительны, и, кроме того, нужно было использовать свежие травы в пути, которые быстро выгорали [12, с. 116]. Обычно весной шли медленно, часто делали остановки, так как скот после зимы еще был слаб, было много молодняка, а также останавливаться в это время года можно было на любом месте [17, с. XXVII]. Однако, в районах, населенных жатаками, кочевники вовсе не задерживались [5, с. 117].

Весь тяжелый кочевой путь проделывался с большими или малыми остановками в пути [5, с. 108]. Ежедневные переходы совершали верст в 10–15 и не более 20. В тех местах, где растительность и вода обильна, иногда останавливались на несколько дней или даже на месяц и более [5, с. 108; 15, с. 15]. В безводных урочищах остановки были коротки, только для отдыха скота (1/2–1 сутки) [5, с. 108]. В среднем, при больших кочевках на сотни верст, через 3–4 кочевки делали короткие остановки в 2–3 дня. [7, с. XXVII]. Количество остановок в пути колебалось в зависимости от длины пути и урожая трав. Например, во время кочевки от Кунграда (ныне – столица Каракалпакстана) на Кара Хобду (река в Актюбинской области) и обратно число всех остановок в пути бывало не менее 80 и доходило до 100, во время кочевки из центрального Устюрта на реки Сагиз или Уил число остановок бывало не менее 50 и доходило до 70 [5, с. 108]. Как правило, кочевники быстро двигались по безводным районам, таким как южный и центральный Устюрт, Предустюртье и, наоборот медленно, если есть вода и трава. Если хорошо развился весенний травостой, то кочевники не торопились на север, наоборот, старательно вытравливали все такие площади и нередко, для этого могли свернуть в сторону от основного пути [5, с. 117].

Во время кочеваний необходимо было заниматься разбором и сбором юрт, навьючиванием и развьючиванием верблюдов, устройством временного загона для скота, ремонтом и очисткой колодцев и организацией водопоя. Таким образом, кочевое скотоводство в этих условиях являлось сложным и трудоемким процессом производства, при котором применялось значительное количество специфичных орудий труда, все виды рабочего скота, употребляемые для кочевки, пастьбы и охраны скота [1, с. 523].

Кочевали обыкновенно большими группами с тем, однако, расчетом, чтоб на стоянках хватало воды. Лошади и верблюды шли поодаль, а овцы и рогатый скот вблизи каравана. Перевозка имущества производилась на верблюдах. На них же, кроме различной клади, выючили также только что окотившихся ягнят, которые еще не в состоянии были делать больших перекочевки. Через несколько дней после рождения ягнята могли несколько окрепнуть и переносили переход в 15–20 верст. Юрты расставляли только при остановке на 2–3 дня, обыкновенно же ставили жолым-уй – палатки из кереге, поставленных в виде крыши и покрытых кошмою [7, с. XXVII].

Главной хозяйственной задачей для кочевника в весенний период было поднять ослабевший за зиму скот и принять приплод – залог будущего богатства любого скотовода. Массовый окот овец происходил в конце марта – начале апреля. Подножный корм, обильный водопой и тепло

позволяли принять приплод, дать окрепнуть ему и скоту, истощенному за зиму. В это время все трудоспособные скотоводы были заняты уходом за молодняком, который требовал большого труда [15, с. 74].

Чтобы принять приплод, кочевники Мангышлака весной останавливались на Эмбе, зимовавшие в Кызылкумах – в основном в Каракумах и у озера Айнаколь, а после окота овец двигались дальше на север [15, с. 74]. Кочевники Казалинского, Перовского и отчасти Иргизского уездов от самых дальних зимних пастбищ в Кызылкумах до железнодорожных станций на Сырдарье Байхожа, Торетам, Диирментобе по прямой проходили 300–320 км. Этот путь крупные скотовладельцы преодолевали за 15–20 дней. Они торопились до массового окота овец перебраться через Сырдарью, пока река еще не вскрылась [1, с. 544]. Такое стремление было обусловлено тем, что растительность и климат на правобережье Сырдарьи весной лучше, чем на левобережье. Обычно аулы останавливались, сохраняя между собой некоторый интервал. Стоянка аулов здесь длилась около месяца. Время коктеу для скотоводов – это не только период массового приплода скота, но и выращивания молодняка до такого состояния, когда он мог проходить со стадом 8–10 км ежедневно. Такую кочевку казахи называли «қозы көш», т.е. кочевка на расстояние, проходимое за день ягненком. Массовый окот овец приходился на конец марта – начало апреля, когда становилось тепло и появлялись травы. Этого скотоводы добивались тем, что случную кампанию овец и коз проводили в конце октября – начале ноября. С появлением молодняка начинали доить верблюдиц, овец и коз [1, с. 544]. Кроме приема весеннего приплода скота и выпаса, кочевниками решались следующие хозяйственные задачи: ставили метки молодняку, снятие шерсти у верблюдов и лошадей, объезд лошадей, формировали новые косяки лошадей и проводили у них случную кампанию, в местах кратковременных остановок во время следования на жайлау осуществлялась весенняя стрижка [1, с. 544–548].

Дальнейшее весеннее кочевание происходило в мае [1, с. 553]. Казалинские и перовские скотоводы имели жайлау на территории Иргизского и отчасти Кустанайского уездов, в 300–400 км по прямой от коктеу. Это расстояние они преодолевали в среднем за месяц, передвигаясь почти ежедневно на 15 км [1, с. 552]. Как общее правило считалось необходимым попасть на летовку к расцвету растительного покрова, т.е., в зависимости от района, не ранее середины мая и не позднее конца июня [1, с. 555; 5, с. 108; 12, с. 121]. Жайлау представляло собой обширную ковыльную степь с небольшими островками песков, где обычно находились зимовки оседлых жителей. В «Материалах» Кустанайского уезда, собранных экспедицией Ф. Щербины, сказано: «По сведениям Казалинского уездного начальника, в Иргизский уезд из разных волостей Казалинского уезда каждое лето вкочевывают 2893 кибитки и в то же время сами казахи Иргизского уезда в числе 2047 кибиток выкочевывают каждое лето в Актюбинский уезд». По мнению С.Е. Толыбекова, в действительности же вкочевавших из 18 волостей Казалинского уезда на лето в Иргизский уезд было несравненно больше [1, с. 555–556]. В северную часть Атбасарского уезда вместе с баганалинцами вкочевывали казахи и других южных волостей уезда. Северная часть уезда заключала в себе довольно обширные площади общего пользования [7, с. 16]. Летовочные пастбища или жайлау использовали как местные, северные казахи, так и баганалинцы, или южные казахи [7, с. 19].

Все летовки были расположены вблизи каких-либо торговых центров – ярмарок, базаров и пр., на которых производится продажа и обмен скота и продуктов скотоводства – кожевенного сырья, шерсти и пр. и заготовка всего необходимого для хозяйства кочевника [12, с. 121]. На известных и удобных жайлау аулы располагались большими группами и пребывали в этих местах от одного до двух месяцев [1, с. 556]. В общем же на северных летовках кочевники оставались 2–3 месяца [1, с. 498]. Главная цель скотоводов во время кочевки на жайлау –

усиленный выпас для максимального увеличения тучности стада. Пастьба на летнем пастбище являлась для казахов также весьма важным моментом в их производственных работах. Ибо судьба скотоводства зимой во многом зависела от того, насколько скот насытился летом. [1, с. 556]. В начале июня осуществлялся подбор самцов-производителей, и проводилась кастрация ягнят.

Скот на летовках пасся отдельными стадами по аулам; каждое стадо состояло только из одного вида животных, под присмотром, по большей части, мальчиков или стариков. Стада богатых людей паслись отдельно; часто один и тот же вид животных делился у них на несколько стад, которые иногда распределялись на летовках в различных волостях и даже уездах и паслись под присмотром наемных людей. Для наблюдения за последними нередко посылался один из членов семьи: одна из жен, обыкновенно старшая, или младший брат главы семьи или взрослый сын. Стада обыкновенно паслись в 1 – 2 верстах от аулов и в течение дня несколько раз пригонялись в аул для доения маток, а также на ночь перед закатом солнца для доения и ночлега с охраной от воров и волков. У крупных скотоводов большие стада в аулы не пригонялись, небольшие же группы животных, необходимых для получения молока, паслись совместно со скотом одноаульцев. После истребления травы на одном участке, кочевники переходили с потравленных мест на соседний, где корм имелся в достаточном количестве [17, с. 16]. При этом кибитка переносилась с одного места на другое чаще, чем меняется летовка. Как только место, где она стоит, загрязнялось, ее переносили на новое, чистое; обыкновенно принято было переносить кибитку через каждые 5–10 дней [17, с. 7].

Летом шла активная подготовка к зиме, производилась заготовка молочных продуктов; в конце пребывания на жайлау – осенняя стрижка овец в начале сентября и изготовление кошем. Так как в летний период кочевники были относительно свободны, то к этому времени приурочивали проведение поминальных асов, тоев и других мероприятий и угощений, важных и необходимых в казахской среде [1, с. 557]. Кроме того, летовка для кочевника скотовода имела и громадное общественное значение. На ней сходились кочевники отдаленных местностей, не имеющие между собой сообщения в течение целого года, почему она и являлась важным местом взаимодействия и связи казахских родов. Здесь каждый кочевник знакомился со всеми событиями прошедшего года, – со всеми сторонами жизни других родов, информацией, связанной с упадком или развитием их хозяйств, – действиями администрации и пр. Здесь совместно обсуждались вопросы общего характера, выносились постановления от имени многих волостей разных уездов и областей, проявлялась общественная инициатива в обсуждении тех или иных процессов [12, с. 122].

Подготовка к зиме в основном выражалось в обеспечении хозяйств хлебом на период с августа по апрель следующего года, в починке и приведении в порядок необходимого для кочевания инвентаря и изготовлении нового ремонт и производство новых орудий труда [1, с. 564]. Женщины все лето пряли и ткали тонкий шерстяной материал на казахские плащи-халаты (шекпен), а более грубый – для изготовления мешков. Они также выделяли и красили мерлушки и овчины, готовили зимнюю одежду, делали запасы толченого проса (актаган сок), приводили в порядок юрты и пр. Сапожники шили зимнюю обувь [1, с. 565]. В первых числах сентября, когда подножный корм на летовке уже был использован, хозяйственные дела по сбыту скота и продуктов хозяйства, по заготовке хлеба и необходимых в хозяйстве товаров закончены [12, с. 122], начинались сборы в обратный путь.

Во второй половине сентября скотоводы совершали обратный путь с жайлау. Во время осенних кочевок также соблюдались определенные правила, выработанные практикой. В их начале, когда температура воздуха была еще достаточно высока, ежедневно после обеда

кочевники проходили небольшое расстояние с тем расчетом, чтобы поголовье рабочего скота ночью могло отдохнуть без пастьбы и водопоя [1, с. 565]. Скот поили и пускали пастись лишь рано утром. Так продельвали 6–7 дней, иногда меньше [1, с. 566]. Раньше всех с жайлау откочевывали малоскотные хозяйства, середняцкие и байские же задерживались на одну-две недели. Осенью кочевали большими группами аулов. Сотни караванов-кошей тянулись вереницами друг за другом. За ними шли, пасясь на ходу, стада овец и табуны лошадей. Чем богаче хозяйство, тем больше был кош, иногда он насчитывал до 50 и больше верблюдов [1, с. 566]. Ежедневно осенью коши проходили 25–30 км. Именно в это время верблюды получали самую большую нагрузку, так как несли на себе весь запас хлеба на зиму. Кочевой путь от коктеу до жайлау, который они проходили весной за месяц, теперь преодолевали за две-три недели.

Осенью кочевые караваны вынуждены были идти от одного колодца к другому, расстояния между которыми были в 30–45 км [5, с. 108]. После обильного корма на жайлау преодолевать длинные дистанции осенью для скота не было затруднительным, и кочевники двигались быстро [5, с. 108]. На осеннем, обратном с севера на юг, пути кочевники старались дольше и полнее использовать северные летовки и весенние кочевые пути [5, с. 117]. Кочевники-адаи, переходя с летовок северной и средней части Темирского уезда на южную сторону Эмбы, подолгу задерживались в здешних полынных степях [19, с. 89]. Нередко, большинство их задерживалось на всю зиму на северном Устюрте, на Мангышлаке и не спускалось дальше на юг [5, с. 117]. У кочевников считалось, что овцы, наживовавшиеся на севере, т.е. на злаковой растительности, должны были обязательно «закрепить» свое сало на полынно-солянковых пастбищах [5, с. 153]. Согласно хозяйственно-практическим знаниям казахов, сало, нагуленное на злаковых пастбищах, бывает очень жидкой консистенции, так называемое «мажущееся» сало, а когда после этих пастбищ овцы походят дней 10–15 на полынно-солянковых выгонах, то оно становится тверже, значительно вкуснее, и овцы после этого зимой не так быстро худели [5, с. 153].

Территория коктеу в основном являлась и осенним пастбищем – куздеу. В этих местах аулы останавливались приблизительно на две-три недели. Здесь проводилась массовая случная кампания овец – наиболее важное хозяйственное мероприятие на осенней кочевке, залог будущего увеличения численности стада, а значит, роста богатства скотовода. На куздеу каждое хозяйство обретало дополнительный груз: из тайников доставали разборно-переносные ограды, которые уже в это время были необходимы для устройства ночлега овец и верблюдов [1, с. 567]. В ноябре производился убой скота на согым (*согым*), т.е. заготовка мяса и сала впрок на зиму. На согым кочевники забивали все виды скота: лошадей, овец, верблюдов и даже коз [1, с. 568]. При разделке туш животных сразу же отделяли мясо от всех крупных костей. Эти кости сразу же варили, чтобы, во-первых, избавиться от лишнего груза при кочевках и, во-вторых, приготовить хозяйственное мыло (сабын) [1, с. 570]. Кожи всех забитых отправляли со специальными людьми в ближайшие торговые пункты для продажи. На вырученные деньги покупали в основном чай и сахар с запасом на зиму [1, с. 569].

Сезон куздеу заканчивался примерно в конце ноября. К этому времени уже выпадал первый снег, и замерзала вода. Охотники с беркутами, гончими успевали поохотиться за лисами, джейранами, сайгаками, волками, зайцами. Начинался период зимних кочевков [1, с. 570]. В это, уже холодное время, передвигались с кона на кон, а в тех случаях, когда поблизости кона не оказывалось, а скот нуждался в отдыхе, все трудоспособное население аула мобилизовалось на вырубку полукустарников, кустарников, трав, словом, всего, что было пригодно овцам для подстилки на ночь [1, с. 571]. От куздеу до самых дальних зимних пастбищ в Кызылкумах добирались 20–25 дней. Многие аулы не доходили до Кызылкумов, а кочевали в районе сухих

русел Куандарьи и Жанадарьи. Здесь климат суровее, чем в Кызылкумах. До этих мест от куздеу передвигались 10–15 дней [1, с. 571]. На зимовку приходили только тогда, когда уже выпал снег, не ранее середины ноября и не позже середины января, опять же в зависимости от района [5, с. 108].

Кроме тех, кто кочевал на далекие расстояния, в пустынных зонах были кочевники, проделывавшие сравнительно небольшой кочевой путь от колодца к колодцу – в Кызылкумах, Мангышлаке и Устюрте. Здесь, в основном, встречался эллипсоидный, реже радиальный и широтный, тип кочевания [8, с. 279], связанный с эксплуатацией колодцев. Кочевники пустынь также не имели построек, кочевали круглогодично, не заготавливали сено, не занимались земледелием.

Так, в районе Кызылкумов разводили исключительно мелкий рогатый скот и верблюдов. Природные особенности этого специфического района были очень благоприятны для кочевого скотоводства. Население Кызылкумов занималось выпасом скота круглый год. Каждая родовая группа имела на определенном урочище свои зимние и летние колодцы и пастбищные угодья [21, с. 211]. Обычную местность, где кочевали скотоводы рассматриваемой зоны, автор интересной работы о Кызылкумах В. Пельц описывает следующим образом: «Поездка по пескам этого района производит на вас впечатление странное. Вы не получаете впечатления простора безграничной степи. Кругозор не велик: кругом бугры, покрытые кустарником. Везде следы скота. Слышен где-то за горкой лай собаки. Въедете на песчаный холм, такие же бугры заграждают кругозор. Видите где-то стадо баранов и, кажется, уже близко за бугром должен быть аул. Едете версту, две – колодца все не видать, но везде следы человека: то саксаул сломан, то тропинка. Разнообразие растительности вас отвлекает. Серебристый куян-суяк стройно выделяется среди низкорослых кустов джусгенов и порослевого саксаула. Местами попадаются и крупные деревья саксаула или кандыма с их седыми головами на каком-нибудь бархане сыпучего песка. Начинаете уже уставать, спускаетесь с высокого бархана красного песка. Лес кругом истреблен, чувствуется близость жилья. У подножья замечаете большой аул – юрт семь-восемь» [22, с. 12–13].

Меняя сезонные пастбища, скотоводы пустынь часто кочевали, чередуя их с тем расчетом, чтобы сберечь наиболее важные позднеосенне-зимние угодья на зиму. С наступлением осени скотовладельцы производили выбраковку овец, предназначенных для продажи, и пасли их отдельно на пастбищах более богатых растительностью, затем гнали на рынок, а часть забивали на еду. Обычно места зимних выпасов у кызылкумских казахов, как это характерно для кочевников пустынь, находились недалеко от колодцев. Зимой весь скот питался подножным кормом, построек для скота кызылкумские казахи не имели, заготовку корма почти не производили. Поэтому и зимой им часто приходилось кочевать, менять пастбища. Весной весь скот перегонялся на весенне-летние пастбища.

Кызылкумский район специализировался исключительно на разведении овец, коз и верблюдов, здесь отсутствовал крупный рогатый скот, а лошади имелись в незначительном количестве. В этом районе насчитывалось 2250 хозяйств, в которых имелось верблюдов – 18425 голов, овец – 80911, коз – 72366, лошадей – 3106 и только 15 голов крупного рогатого скота. В среднем на одно хозяйство здесь приходилось: верблюдов 8,19 голов, овец – почти 36 (35,96), коз – 32,16, лошадей – 1,38 и крупного рогатого скота – 0,01 [21, с. 212]. В Кызылкумском районе, таким образом, выращивались в основном, мелкий рогатый скот и верблюды. Лошади разводились здесь неприхотливой и очень выносливой так называемой киргизской (казахской) породы. Круглый год они находились на скудном подножном корму, питаясь полынью и другой пустынной растительностью. Таким образом, Кызылкумский район был специализированным

массивом кочевого скотоводческого хозяйства [21, с. 213].

В Кызылкумах, однако, условия для хозяйствования, а значит и его способы, не везде были одинаковыми. Так, на севере Кызылкумов постоянно живших здесь кочевников было небольшое количество. Они целой общиной владели колодцами, как правило, расположенными ближе к гористой местности. Климат здесь тяжелый – летом температура воздуха поднимается до 70°С на солнце. Вода в колодцах имела горько-соленый привкус и находилась на глубине 70–80 м. Местные скотоводы обычно разводили каракулевых овец, одногорбых верблюдов и в небольшом количестве коз; других видов скота у них не было, если не считать нескольких верховых лошадей, главным образом у зажиточного слоя населения. Они торговали с Хивой и Бухарой скотом и продуктами скотоводства, беднейшая часть населения постоянно сбывала там древесный уголь из саксаула. В песках Кызылкум постоянных зимовок с постройками не было, и все без исключения, как постоянные обитатели их, так и вкочевывающие туда на зиму кошпелинцы проводили зиму в разборных и переносных войлочных юртах. По утверждению С.Е. Толыбекова, никаких ограничений и регламентирования в использовании пастбищ не существовало, за исключением того случая, когда кто-либо один рыл колодец и потому являлся его единственным хозяином. Другие могли пользоваться колодцем только после того, как хозяин полностью удовлетворял водой свои стада [1, с. 521].

В северо-западной части южных Кызылкумов кочевники-казахи в основном занимались верблюдоводством. На одном колодце число верблюдов часто доходило до 200–300. Количество баранов и коз сравнительно было незначительное. Лошадей тоже было мало, и поэтому нередко верблюд заменял верховую лошадь. Население в основном сосредотачивалось у колодцев с хорошей питьевой водой, которой здесь было мало [22, с. 10]. Верблюды этого района, преимущественно «нары», кормились главным образом сочными ветвями черного саксаула, из которого их хозяева-кочевники жгли поташ. У большинства богатых скотоводов было по несколько колодцев, периодически посещаемых. На многих из них жители бывали лишь зимой и весной, когда можно из снега или запаса его, сохраненного в ямах, получать хорошую питьевую воду. Киргизы этого района кочевали обычно не далее 10–20 верст к другим своим колодцам. В местностях с богатым солончаком его постоянные жители наряду с жжением угля и поташа занимались добычей соли [22, с. 17]. В южных Кызылкумах пески были очень густо заселены кочевниками [22, с. 24]. С завоеванием края Россией здесь увеличилось число колодцев и населенных пунктов [22, с. 26].

В центре песков везде были глубокие, до 25 аршин, колодцы с хорошей водой. У колодцев жили большие аулы со значительными стадами баранов и коз и малым количеством верблюдов. Расстояние колодцев одного от другого тут обычно не превышало девяти-десяти верст, здесь была не только хорошая вода, но и обилие травянистой растительности. Основной доход население этих мест имело за счет продажи овец. Овцы нередко закупались осенью годовалые, затем продавались скупщикам весной, которые угоняли скот в бухарский город Нурата [22, с. 12–13]. В восточной же части песков, в прибрежных степях Сырдарьи существовало полуоседлое скотоводство с элементами земледелия (жатачество), на сыпучих песках местами здесь имела место культура разведения арбузов без орошения [22, с. 14].

Подобный тип пустынного кочевничества на недалекие дистанции встречался и у казахов западного Приаралья, на левобережье Амударьи. Кочевые казахи здесь также выращивали мелкий рогатый скот, верблюдов, лошадей. Их пастбища и кочевья находились в основном на плато Устюрт, а также у берегов южного залива Арала – Айбугира. Ранней весной с появлением растительности на Устюрте эти скотоводы перекочевывали со своими стадами на весенне-летние пастбища – жайлау. Летом они располагались на Устюрте у своих колодцев, которые находились

на определенном расстоянии друг от друга. С наступлением осени возвращались в низовья Амударьи, где зима значительно мягче и много подножного корма. Корм они не заготавливали, скот всю зиму проводил на тебеневке [21, с. 221].

Кызылкумы, Устюрт и прилегающие к ним пустынные местности дельты Амударьи были основными районами разведения верблюдов. В Хорезмском оазисе насчитывалось 104450 верблюдов, из них в Амударьинском отделе 13 100, а в Хивинском ханстве – 91 350. Казахи разводили главным образом двугорбых верблюдов [21, с. 207]. Для них верблюды служили транспортным средством при перекочевках, давали молоко, шерсть и заработок при приеме подрядов на перевозку всевозможных тяжестей по караванным путям [21, с. 207]. Например, жители Кызылкумов, обладая хорошими перевозочными средствами – сильными и крупными верблюдами, имели возможность сноситься с дальними крупными центрами. Для жителей западной части Кызылкумов такими центрами продажи и покупки продуктов являлись города Бухара, Нурата и Самарканд. Жители восточной части находились в сфере влияния городов Туркестан, Самарканд и Ташкент [21, с. 207].

На Мангышлаке и Бозащи (Бузачи) также существовала группа кочевников, которая кочевала только в пределах этих полуостровов. Таких скотоводов, кочующих в пределах небольших территорий, в казахском обиходе иногда называли жатаками, их же нередко называли и полукочевниками [5, с. 36]. Однако, по мнению авторов труда «Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда», их хозяйство вполне подпадает под определение чисто кочевого, если не брать во внимание сравнительно короткий путь кочевков. Такое хозяйство, например, не имело постоянного местожительства. Весь год кочевники проводили в юртах, то есть не имели зимних построек. Хозяйство это было тоже чисто скотоводческим, в основном разводили овец, верблюдов и лошадей. Кочевой годовой путь, сравнительно с кочевавшими летом в северных уездах, был невелик, не превышал 250–300 км в год и в среднем 100–150 км. Таких кочевников насчитывалось в 20-х гг. XX в. в Адаевском уезде 7. 317 хозяйств или 28 %. Среди таких кочевников были и такие хозяйства, которые кочевали всего 4–5 раз в год в пределах очень небольших районов, но заготовок сена они не делали и земледелием не занимались. С некоторой натяжкой такие хозяйства, по мнению авторов вышеуказанной работы, можно было причислить к полукочевникам (жатакам), так как большинство их уже вынуждены были кочевать ежегодно только в определенных урочищах [5, с. 36].

Естественно, что данный тип кочевого скотоводства оказывал большое влияние на хозяйственно-культурные и социально-экономические процессы в среде кочевников. При интенсивной частоте передвижений и напряженном ритме кочевания, когда рабочее время практически полностью обуславливалось режимом кочевого хозяйства, времени на нескотоводческие занятия почти не оставалось [8, с. 303]. Все домашнее хозяйство кочевников было приспособлено к постоянному передвижению, в том числе и на большие расстояния [7, с. XXII]. Чем сильнее был выражен чисто скотоводческий кочевой характер хозяйства, тем меньшее число хозяйств прибегало к промыслам и заработкам [7, с. XXXIII]. Поэтому в кочевых районах условия для развития промысловых занятий были мало благоприятны [18, с. X]. На тот период в чисто скотоводческой среде существовали такие промыслы, как распространенная повсеместно, исконно существовавшая охота, из новых – извоз, жжение угля (в Кызылкумах). Из домашних – изготовление инструментов, кошом, веревок, мыловарение.

Все имущество кочевника, его быт и бытовые принадлежности, были сведены к минимуму. Вечная забота о скоте, его корме и водопое, по мнению русских исследователей, «превращало жизнь большинства людей в каторгу» [5, с. 109]. Так, жолым-уй, не раз описанный выше, представлял собой минимум жилища. Такое жилище также использовалось табунщиками

отгонных аулов. У адаев *кереге* имел большую клетку, что в нее свободно могла проходить собака. *Уyki* вместо 3–4 аршин, имели длину 1,5 аршин, а числом, вместо 80–90 – 20–30 штук. В адаевском жилище *шанырақ* можно было достать рукой; диаметр кибитки был 4–5 аршин. В кибитке вещей было немного: котел, *ошақ* – тренога к нему, *мосы* – тренога для чайника и ведра, *кебеже* – буфет во время стояния аула, и носка для грудных детей во время кочевания, также имелись деревянная кровать, кошмы, мешки, посуда по количеству душ. Чтобы разобрать такую кибитку и навьючить ее на верблюдов, нужно было полчаса времени для двоих человек, ставить – столько же. Жилище средней семьи адаевцев со всеми вещами могло быть навьючено на двух верблюдов, по 10–12 пудов на каждый [11, с. 71].

Как уже было указано, все летовки кочевников были расположены вблизи ярмарок или базаров. На ярмарках они обменивали лишний скот и баранью шерсть на немногие виды продуктов, которые уже на тот момент вошли в круг их потребления [16, с. 221]. От продажи жабагы, верблюжьей шерсти и мерлушек скотовладельцы получали доходы пропорционально имевшемуся количеству овец и верблюдов. Как правило, такое скотоводческое сырье обменивали на мануфактуру, чай, сахар, сухофрукты (урюк, кишмиш), конфеты, туалетное мыло, спички, предметы домашнего обихода и т.д. [1, с. 555]. В 20-х гг. XX в. чай и другие продукты адаевцы-кочевники покупали на Темирской (Каракамыс) и Уильской (Кокжар) ярмарках. Просо, важное в культуре питания казаха, покупалось ими на вышеупомянутых ярмарках и у оседлого населения севера, куда адаи прикочевывали летом. Покупали просо за деньги или в обмен на овец, также брали крупной платой за рабочего верблюда при пахоте и молотье. Бедные адаи за просо нанимались караулить пашню северян-хозяев пашни от потрав скотом летующих южан-адаев. 22 волости Адаевского уезда, не сеющие просо, в год покупали на севере один миллион с лишним пудов [11, с. 72].

В заключение следует отметить, что, несмотря на то, что в конце XIX-го – начале XX века на большей части территории Казахстана наблюдается утверждение полукочевого скотоводства (сокращение длины и площади кочевков, распространение земледелия, разведение крупного рогатого скота, заготовка сена на зиму и т.д.), круглогодичное «чистое» кочевое скотоводство продолжало существовать в ряде уездов, таких как Адаевский, Темирский, Иргизский, Казалинский, Перовский, Атбасарский и других регионах с природными условиями, удобными лишь для круглогодичного подножного скотоводства.

Литература и источники

1. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата, 1971. – 633 с.
2. Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX веков (По материалам Восточного Казахстана) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 6. Этнография. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – С.19 – 90.
3. Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 143– 190.
4. Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея [ЦГМ РК]. – Алматы, 2004. – С. 67–71.
5. Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13. Серия Казакстанская. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – 104 с.

6. Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – 296 с.
7. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. 2. Атбасарский уезд. Том II-й. – Воронеж, 1902. – 385 с.
8. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.
9. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. – Оренбург, 1910. – 229 с.
10. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Пер. Е. Петри. СПб., 1910. – 188 с.
11. Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда // Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. – Л.: Изд. Особого комитета АН по исследованию союзных и автономных республик, 1927. – С. 59–82.
12. Ашмарин А. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки (Историческое описание) // Советская Киргизия. – № 5–6. – Оренбург, 1925. – С. 111–124.
13. Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыз // Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. – Л.: Издание Особого комитета АН по исследованию союзных и автономных республик, 1927. – С. 7–32.
14. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Т. VI. Каркаралинский уезд. – СПб., 1905. – 141+207 с.
15. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 256 с.
16. Кауфман А.А. По новым местам (Очерки и путевые заметки). 1901– 1903 гг. – СПб., 1905. – 231 с.
17. Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург, 1895. – 360 с.
18. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского района. Иргизский уезд. – Оренбург, 1913. 145+303 с.
19. Скалов Б. Естественно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. XXII. – Оренбург, 1911. – С. 61–120.
20. Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. – Ташкент, 1913. – 385 с.
21. Шалекенов У.Х., Шалекенов М.У. История и этнология народов Амударьи и Сырдарьи в XVIII–XX вв. – Алматы: Казак университеті, 2003. – 315 с.
22. Пельц В. Очерк Южных Кызыл-Кумов. – Самарканд: Издание Самаркандского Областного статистического комитета, 1912. – 64 с.

МАЗМҰНЫ

Атантаева Б.Ж., Бекбаева А.Е. XIX ҒАСЫРДЫҢ І ЖАРТЫСЫНДА ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ТЕРРИТОРИЯСЫНА ЭТНИКАЛЫҚ ТОПТАРДЫҢ ОРНАЛАСТЫРЫЛУЫ	6
Атығаев Н.Ә. ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ МӘСЕЛЕСІНЕ КӨЗҚАРАСЫ	14
Жеңіс Ж., Нәлібаева С.М. “ШАХНАМА” ЖЫРЫНДАҒЫ ТҰРАНДЫҚТАРДЫҢ ДҮНИЕТАНЫМЫ	28
Жубанышов Б.Т., Каипбаева А.Т. XIX – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНДЕГІ ПАТШАЛЫҚ РЕСЕЙДІҢ АГРАРЛЫҚ-ОТАРШЫЛДЫҚ САЯСАТЫ	35
Кожанов К.Б. РЕСЕЙ ЖӘНЕ ҰЛЫБРИТАНИЯ ГЕОСАЯСАТЫНДАҒЫ АУҒАНСТАН (XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ-XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)	39
Күлсариева С.П. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ОРТАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК МҰРАЖАЙЫНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖИЫНТЫҚТАҒЫ ЕРТЕ ПАЛЕОЛИТ АРТЕФАКТТАРЫ	50
Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ	56
Құрманалина Н.Н., Тулебаев Т.А. «ОЙРАТ» ЭТНОНИМИНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫНАН	64
Орынбаева Г.Ү. АРИДТЫ АЙМАҚТАРДАҒЫ КӨШПЕЛІ ЖӘНЕ ЖАРТЫЛАЙ КӨШПЕЛІ ҚАЗАҚТАРДЫҢ ШАРУАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ЕРЕКШЕЛІКТЕР (19-ҒАСЫРДЫҢ 80-ЖЖ. – 20-ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)	74
Оспанов Н. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАР ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫНАН	96
Жанымхан О. ҚЫТАЙДЫҢ XIII ҒАСЫРДАҒЫ САЯХАТНАМАЛАРЫ МЕН ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ЕҢБЕКТЕРІНДЕ ЖАЗЫЛҒАН ҚАЗАҚ ЭТНОТЕРРИТОРИЯЛЫҚ БӨЛІГІНДЕГІ ҚАЛАЛАР	104
Рустем К., Сарыбаев М. ГЛАВЛИТ НҮСҚАУЛАРЫ – КЕҢЕСТІК ҚОҒАМДА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЦЕНЗУРАЛЫҚ БАҚЫЛАУДЫҢ ДЕРЕК КӨЗІ РЕТІНДЕ	120

Сарыбаев М.С. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЕУРОПА ЕЛДЕРІМЕН ЭНЕРГЕТИКА САЛАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫ	126
Төленова З.М. Д.А. КОНАЕВ И РАЗВИТИЕ НАУКИ КАЗАХСТАНА	133
Хинков-Айтбаева Н.Б. ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ КЕЗІНДЕГІ КҮРДТЕРДІҢ ҚАЗАҚСТАНҒА ЖЕР АУДАРЫЛУЫ (ҰОС 70 ЖЫЛДЫҒЫНА)	141
Шалекенов М.У. XIX-XX ғ. БАСЫНДАҒЫ ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ МАЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ	150

СОДЕРЖАНИЕ

Атантаева Б.Ж., Бекбаева А.Е. ЗАСЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИЮ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В I ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	6
Атыгаев Н.Ә. К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПРЕДЫСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА	14
Жеңіс Ж., Налибаева С.М. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ТУРАНЦЕВ В ЭПОСЕ «ШАХНАМЕ»	28
Жубанышов Б.Т., Каипбаева А.Т. АГРАРНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	35
Кожанов К.Б. АФГАНИСТАН В ГЕОПОЛИТИКЕ РОССИИ И БРИТАНИИ (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX ВЕКА)	39
Күлсариева С.П. АРТЕФАКТЫ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	50
Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ	56
Құрманалина Н.Н., Тулебаев Т.А. ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОНИМА «ОЙРАТ»	64
Орынбаева Г.Ү. ОСОБЕННОСТИ КОЧЕВОГО И ПОЛУКОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХОВ АРИДНЫХ ЗОН (80-Е ГГ. XIX– НАЧАЛО XX В.)	74
Оспанов Н. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	96
Жанымхан О. ГОРОДА КАЗАХСКОЙ ЭТНОТЕРРИТОРИИ В КИТАЙСКИХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ XIII ВЕКА	104
Рустем К., Сарыбаев М. ИНСТРУКЦИИ ГЛАВЛИТ – КАК ИСТОЧНИК КОНТРОЛЯ НАД ЦЕНЗУРОЙ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	120

Сарыбаев М.С.

СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ 126

Төленова З.М.

Д.А. КОНАЕВ И РАЗВИТИЕ НАУКИ КАЗАХСТАНА 133

Хинков-Айтбаева Н.Б.

ДЕПОРТАЦИЯ КУРДОВ НА ТЕРРИТОРИЮ КАЗССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 70-летию ВОВ) 141

Шалекенов М.У.

ЖИВОТНОВОДСТВО КАРАКАЛПАКИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX вв 150

CONTENTS

Atantayeva B.Zh., Bekbayeva A.E. SETTLEMENT OF ETHNIC GROUPS IN THE TERRITORY OF EASTERN KAZAKHSTAN IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY	6
Atygayev N.A. ON THE INTERPRETATION OF THE PREHISTORY OF THE FORMATION OF THE KAZAKH KHANATE	14
Zhenis Zh., Nalibayeva S.M. THE WORLDVIEW OF THE TURANIANS IN THE EPIC “SHAHNAMEH”	28
Zhubanyshov B.T., Kaipbayeva A.T. THE AGRARIAN-COLONIAL POLICY OF TSARIST RUSSIA IN THE SEMIRECHYE REGION IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES	35
Kozhanov K.B. AFGHANISTAN IN THE GEOPOLITICS OF RUSSIA AND BRITAIN (END OF THE XIX AND EARLY XX CENTURY).....	39
Kulsariyeva S.P. ARTIFACTS OF EARLY PALEOLITHIC COLLECTION OF CENTRAL STEPPE MUSEUM OF REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	50
Kurmankulov Zh., Utubayev Zh.R. ANCIENT MONUMENTS OF THE LOWER SYRDARYA	56
Kurmanalina N.N., Tulebaev T.A. HISTORIOGRAPHY OF THE ‘OYRAT’ ETHNONYM	64
Orynbayeva G.U. FEATURES OF NOMADIC AND SEMI-NOMADIC ECONOMY OF THE KAZAKHS OF ARID ZONES (THE 80th OF XIX – EARLY OF THE XX CENTURY)	74
Ospanov N. FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS	96
Zhanymkhan O. CITIES OF THE KAZAKH ETHNO-TERRITORY IN CHINESE TRAVEL ACCOUNTS AND HISTORICAL-GEOGRAPHICAL WORKS OF THE THIRTEENTH CENTURY	104
Rustem K., Sarybayev M. GLAVLIT GUIDELINES - AS A BASIC SOURCE FOR THE CONTROL OF CENSORSHIP IN THE SOVIET SOCIETY	120

Sarybayev M.S. KAZAKHSTAN'S COOPERATION WITH EUROPEAN COUNTRIES IN ENERGY SPHERE	126
Tolenova Z.M. D.A. KUNAYEV AND THE DEVELOPMENT OF SCIENCE IN KAZAKHSTAN	133
Khinkov-Aitbayeva N.B. THE DEPORTATION OF KURDS TO THE TERRITORY OF Kaz.SSR DURING THE SECOND WORLD WAR	141
Shalekenov M.U. CATTLE-BREEDING IN KARAKALPAKSTAN IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES	150

Электрондық ғылыми журналы
2017. 2(10)

Бас редактор: Қабылдинов З.Е.
Компьютерде беттеген: Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 30.06.2017.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-ү